

вается формулой $E = mc^2$ в квадрате. Где E — история человечества, m — история России, c — Сталин.

Доля русского народа — превращать тьму в свет, обращать поражение в победу. Это и есть «мистический сталинизм».

ПРОТ. АЛЕКСАНДР (МЕНЬ) **«Ведь это религия!»**

Эта мысль поразила меня еще в школьные годы, когда на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой «идейности» (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: «Ведь это религия!» В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик отца, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплена множеством наблюдений и в конце концов, помогла пониманию огромной исторической трагедии, ставшей фоном юности моего поколения.

Из статьи «Религия, „культ личности“ и секулярное государство. Заметки историка религии»

НЕОТЛОЖНОСТЬ ВОПРОСА

<...> Сегодня, когда у нас начинается нелегкий, но благотворный процесс отрезвления и оздоровления общества, все чаще и настойчивее повторяется вопрос: как это могло случиться? Что породило эту долгую «полярную ночь» истории, связанную с именами И. В. Сталина и его сообщников? Что побудило их с невероятной жестокостью вести войну против народов своей страны? И каким образом человек, действовавший у себя дома как завоеватель на оккупированной территории, смог оказаться в роли земного божества?

Загадка эта отнюдь не ограничена сферой исторической науки, которая может бесстрастно и неспешно изучать «дела давно минувших дней» вроде походов Чингисхана или Батыя. Ведь речь идет о чем-то исключительно важном для всех нас в данный момент, о тяжком социальном недуге, породившем поток преступлений, миллионы свидетелей и участников которых сегодня живы.

Трудно лечить болезнь, не зная ее причин, а если не найдены средства лечения, то возможны ее рецидивы, даже если первая опасность миновала. Вот откуда у людей появляется страх перед возвратом беззаконий. Вскрытие новых чудовищных фактов террора приносит не только удовлетворение тем, что правда вышла на свет Божий, но и понятную тревогу за будущее, в частности будущее наших детей. И вполне естественно, что экономисты и социологи, писатели и психологи так спешат отыскать объяснение сталинщине. Ее рассматривают с самых разных сторон, выдвигают многочисленные гипотезы о ее природе и происхождении.

Наиболее поверхностно и неубедительно звучат ссылки на дурной характер Иосифа Джугашвили. Властолюбивых и беспринципных людей, садистов и интриганов всегда и везде было немало. Но как понять, что в руках такого человека оказалась шестая часть земли, и почему именно он был окружен ореолом божественности? Одними свойствами характера Сталина этого не объяснишь.

А что, если он и в самом деле был, как считают его апологеты, универсальным гением, по праву завоевавшим всеобщее преклонение, которое и поставило его на сверхчеловеческий пьедестал, а в итоге — над законом? Однако и это весьма сомнительно. Сталина не отличало обаяние Махатмы Ганди. Он не обладал ленинским интеллектом, не был великим писателем, как Юлий Цезарь, не проявил личной отваги как полководец, подобно Александру Македонскому, Суворову или Наполеону. Он даже не был блестящим оратором, способным заразить толпу своим энтузиазмом. Хотя Сталин и претендовал на решающее слово во всех областях науки и культуры, притязания его — чистая фикция. Недоучившийся семинарист, он свел философию к пресловутой «четвертой главе», превратил историческую и экономическую науку в клубок лжи, душил ге-

нетику и социологию, лингвистику и кибернетику, на десятки лет затормозил развитие искусства и литературы.

То, что все успехи народа, включая победу в войне, приписывали Сталину, можно было бы назвать «эффектом Крошки Цахеса». Но в гофмановской сказке затмение умов, относившее любое добро на счет злобного карлика, — результат колдовства. Кто же околдовал, помрачил сознание миллионов взрослых людей в те дни, когда страну терзал голод, когда погибал цвет крестьянства, когда морально и физически истреблялись писатели и ученые, музыканты и артисты, ветераны революции и военачальники?

Безответственные, построенные на людских костях эксперименты со всевозможными каналами и «преобразованиями природы», геноцид против наций и сословий, колючая проволока лагерей, разлагающее воздействие на нравственность общества, в котором насаждался дух недоверия, страха, доношительства, и наряду с этим — слепая вера в гений, мудрость и доброту «отца народов». Поистине тут что-то непостижимое, не укладывающееся в сознание...

Некоторые историки и публицисты, особенно на Западе, утверждают, что сталинский режим — явление чисто российское, обусловленное слабостью демократических традиций в бывшей царской империи. Но если дело только в этом, как тогда объяснить аналогичные явления в других странах: обожествление Мао Цзэдуна, диктатуру Пол Пота, «малые культуры» в Восточной Европе? Как, наконец, объяснить автократию (пусть иначе окрашенную) в Германии, Италии, в ряде стран Латинской Америки? При различии идеологий и лозунгов у народов разных культур, традиций и рас мы находим удручающее сходство основных симптомов болезни. Подмену демократии авторитарным вождизмом, который, как правило, переходил в исступленное поклонение диктатору. Многим из нас приходилось задумываться над этим хотя бы при просмотре роммовского фильма «Обыкновенный фашизм».

По-видимому, ближе всего к пониманию этих явлений стоят те, кто ищет причины случившегося не только в социально-политической, но и в социально-психологической области, в самой природе человека.

Людям свойственны как любовь к свободе, так и тенденция избегать ее, перекладывать ответственность за риск, за ини-

циативу, за дела и слова на чужие плечи. Подобная тенденция очень точно описана в статьях психолога Леонида Радзиховского. «Страх света, — пишет он, — страх разума, непривычка, нежелание самому думать, самому пользоваться своим рассудком. Потребность веры, тайны, авторитета. Потребность всем слиться воедино, утратить свою индивидуальность, стать частью толпы — только так жить не страшно, в этом видится какой-то высший смысл, залог бессмертия».

Почти все автократы, сознательно или неосознанно, эксплуатировали этот сложный комплекс чувств. Надо признать, что нечто подобное бывало и в истории религии. Но к этому мы еще вернемся, а пока отметим, что в указанном психологическом узле причудливо сплелись два разнородных элемента: во-первых, так называемое «стадное сознание», жаждущее покориться твердой руке, а во-вторых, извечное и оправданное стремление человеческого духа обрести высшую истину, смысл бытия.

Как бы тесно ни переплетались эти элементы в ходе истории, корни у них разные.

Жажда подчинения является атавизмом, инстинктом, который люди унаследовали от звериных сообществ, как правило, руководимых вожаками. Поиск же смысла бытия, идеала — неотъемлемая черта культуры, свойство человека как духовного существа.

Известный психиатр и философ Эрих Фромм считал ориентацию на высшие ценности непременным условием гармоничного сознания. Но все же далеко не безразлично, куда эта ориентация направлена. Если объект ее не выходит за пределы ограниченного, преходящего, «тленного», она рискует породить лишь различные формы идолопоклонства. Такого рода риск, в частности, содержит в себе идея человека как «меры всех вещей», пришедшая к нам из античности.

Для пояснения приведу конкретный пример. В одной из своих поэм Евгений Евтушенко, ветеран нашей демократии, с праведным гневом говорит о Гитлере, Берии, Пиночете. Но при этом он же декларирует свою веру в человека. Между тем, увы, ведь и Гитлер, и Берия, и Пиночет, и другие преступники с их подручными тоже представители рода человеческого. Значит, для поэта «мера всех вещей» не просто человек, а нечто иное, что поднимает людей над уровнем гитлеров, берий и пиночетов...

Один из секретов успеха сталинщины состоит именно в том, что, создав религиозный вакуум, она соединила в общее русло атавистические и духовные стремления людей, сумела слить в сознании народа верховный идеал, «меру всех вещей», с мифологизированной фигурой Вождя и тем самым наделила его атрибутами божественности и безграничной власти. В наши дни анатомия этого процесса становится все более ясной, и все отчетливее видны его роковые последствия.

Признаться, я далек от того, чтобы огульно осуждать нынешних адвокатов Сталина. Их судьба, их душевное состояние кажутся мне глубоко трагичными. Вполне понятно, почему они закрывают глаза на бесспорные факты, отраженные в партийных постановлениях, в подлинных документах и свидетельствах. И дело даже не в том, что признание этих фактов перечеркивает ценность многого из их прошлого. Развенчание диктатора и его опричников наносит удар по заветным верованиям «сталинистов», колеблет почву у них под ногами, требует радикального переосмысления почти всего, на чем стояло их мировоззрение. Словом, речь идет о покушении на веру, которая представляла собой один из важнейших «приводных ремней» автократии.

Впервые термин «культ личности» стал употребляться в виде стыдливого эвфемизма для обозначения сталинщины, и сначала даже складывалось впечатление, будто обсуждается чисто академическая проблема о роли личности в истории. Тем не менее слово «культ» было выбрано удачно. Оно верно отражает религиозный или, если хотите, псевдорелигиозный характер явления.

Лишь в будущем, когда картина бедствия станет достаточно полной, может быть найдено исчерпывающее объяснение случившемуся. Мне же хочется коснуться лишь одного аспекта проблемы: какое место культ Сталина занимает в истории религий именно как культ. А затем поставить вопрос: какие есть сегодня противоядия, способные помешать возврату болезни? <...>

«ВСЕ МЫ ЖИЛИ ПОД БОГОМ»

В революциях почти всегда присутствует риск, связанный с моментом правового вакуума. Разрушая законность старого

типа, люди не сразу способны сжиться с новым правовым порядком, принять его всерьез. Разрушительная стихия подчас все еще бушует, когда уже настало время созидать; этим, как показывают примеры истории, легко пользуются «корифеи властолюбия». Так возвышались Кромвель, Робеспьер. Наполеон. Не миновала такая опасность и Октябрь.

К ней присоединился и другой тревожный симптом; отход от принципа секулярного государства. Такое государство по самой своей природе обязано нелицеприятно оберегать граждан, а из человеческих свобод свобода совести — одна из важнейших. В разгаре борьбы, в опьянении побед об этом фактически было забыто. А в 1929 году, расправляясь с крестьянством, Сталин ввел законодательство о культах, которое иначе как дискриминационным не назовешь. По словам Константина Харчева, бывшего председателя Совета по делам религий, это сталинское законодательство попало декрет об отделении Церкви от Государства и установило «полную зависимость церкви от власти».

К тому времени в религиозных общинах уже исчезли все оппозиционные элементы. Почти все они открыто заявили о своей гражданской лояльности. И все же Сталин продолжал ужесточать нажим.

В какой-то мере это было частью его общего похода против культуры, духовности, против народа, но здесь присутствовал еще один скрытый мотив, важный лично для Вождя. Неуклонно и целенаправленно, следуя ревнителям «макиавеллизма», строил он здание абсолютной диктатуры, с холодным расчетом убирал с пути все и вся, что могло иметь хотя бы тень опасности для его самодержавия. Нельзя было больше отделять от его личности и воли ни науку, ни искусство, ни литературу. Ни тем более религию. Но сохранять ее даже в «прирученном» виде было рискованно. Бог должен быть один — тот, что в Кремле, и вера в него призвана стать господствующей государственной идеологией. Вождь — единственный оракул и носитель истины. Его не лимитирует даже формально исповедуемый им марксизм, ибо сам Вождь полностью олицетворяет его доктрину.

И вот завершаются «последние бои». Сталинская Конституция исключает пункт о допустимости религиозной пропаган-

ды. Символом победы «культа» становится взрыв храма Христа Спасителя. Перед второй мировой войной от религиозных структур страны остаются одни обломки. (Сталинская религиозная политика времен войны явно была вынужденным тактическим маневром, предпринятым перед лицом грозной опасности и ради уступки военным союзникам.)

С того момента, когда Вождь решил, что религиозный вакуум дает ему достаточный простор, начинается краткая, но принесшая неисчислимые страдания история новой религии, рецидива языческого человекобожия. «Отец народов» восходит на свой одинокий Олимп, откуда заблаговременно были изгнаны все другие божества, идеалы и принципы. О таком абсолютизме не мог помышлять и сам император Август...

Портреты генсека, подобно иконам, пишутся по строго обозначенным каноническим правилам. Их размещают повсюду, словно образа. За их оскорбление могут судить как за покушение на саму личность Вождя. Его статуи торжественны, словно изваяния фараонов. Многим памятно полотно тех лет «Утро Родины», где никакой Родины нет, а есть один Он, подобный явлению из иных миров. Музей его подарков становится своего рода святилищем, наполненным тотемами, жертвенными сувенирами. Его биография печатается крупным шрифтом, как Евангелие. Изречения «корифея всех наук» цитируют как решающее слово, как Священное писание.

Сказители и акыны Востока соревнуются в создании гимнов в честь «отца», изукрашенных восточной фантазией. Его силой встает солнце, его силой держатся крылья орла в небе. И не одни азиатские рапсоды были натренированы в такого рода славословиях. В памяти нашего поколения все еще навязчиво звучат слова этих суеверных молитв, сложенных во всех концах страны. Если ты ранен в бою, не отчаивайся, «рану зажми, слезы утри, имя заветное вслух повтори», и тогда «с воздухом синим, с течением рек силу пришлет тебе тот человек». Он царит повсюду.

Он с нами в борьбе и работе,
Он с Громовым в воздухе был,
Он вел стратостаты в полете,
Рукой пианистов водил.

Мы знаем — страна нас растила,
Судьбу доверяя свою.
С кем Сталин — с тем счастье и сила.
Где Сталин — там слава в бою.

(Дж. Альтаузен. Песня о Вожде)

Коварства «хозяину» было не занимать. Он умел действовать чужими руками. Умел прикинуться, что устал от этих восторгов и относится к ним с легкой снисходительностью, как к детской наивности. Так было в беседах с одураченным Фейхтвангером и другими гостями Союза. Но он хорошо знал, что делал. Был уверен, что его культ успешно заполняет пространство, оставшееся на месте разрушения всех конкурирующих с ним религий. В какой-то мере на поверхности жизни так оно и было. Но достигалась эта цель страшной ценой. И по мере того как увеличивался разрыв между реальностью и мифом, расправы становились все более жестокими.

По свидетельству М. И. Калинина, в 1920 году В. И. Ленин говорил, что, «пожалуй, кроме театра, нет ни одного института, ни одного органа, которым могли бы заменить религию». Это было своего рода историческим предвидением. В стране разворачивался грандиозный зловеший спектакль. Его режиссеры, артисты, художники, рабочие сцены надеялись, что им воздадут за старания или, по крайней мере, пощадят. Но не такова была логика неумолимого Молоха. Даже самые близкие сообщники Вождя исчезали бесследно или постоянно висели на волоске...

Могут, конечно, возразить: а разве вера в Бога не апеллирует к верховному авторитету? Разве во имя других религий не творились насилия?

С этим нельзя не согласиться, но лишь с двумя оговорками. Во-первых, на протяжении веков никакие извращения религиозно-этических принципов не могли полностью их устранить. Они всегда оставались как источник обновления и покаяния. Сталинищина же за считанные годы прочно усвоила все худшие черты исторических религий, проявившиеся в период их кризиса: инквизицию, нетерпимый догматизм, «охоту на ведьм».

Во-вторых, есть существенная разница между верой в Высшее Начало, Которое созидает, объемлет и пронизывает Вселенную, и сознательной ложью, мифом, изготовленным в лаборатории

политических фальшивомонетчиков. Даже атеист, подходя к вопросу объективно, может согласиться, что идея Верховного Добра и Разума, которая требует от человека этического поведения, содержит глубокий духовный смысл. Не случайно, что в истории человечества большая его часть принимала эту идею. А какова духовная ценность навязанной людям веры в то, что глава государства обладает всемогуществом, всеведением, всеприсутствием, тем более что в действительности этот человек был палачом, фальсификатором, губителем жизней и душ?

Об исторических религиях можно иметь разные суждения и оценивать их по-разному; но в отношении культа Сталина двух мнений быть не должно, если мы не хотим снова вернуться в кровавый хаос. Пусть даже остаются теперь люди, которые напоминают нам, как бойцы шли в атаку с именем Сталина; очевидно, что они имели в виду вовсе не реального Иосифа Джугашвили, а политический фантом, суррогат извечной идеи Божества.

Порой говорят, что Сталин открыл для атеизма своего рода «Константиновский период», т. е. эпоху государственной поддержки. Но сказать так — значит сказать не все, не главное. В «культе личности» государственная власть пришла к полному самообожествлению, утвердила себя как единственную безусловную ценность.

Страшный опыт диктатур XX века может послужить уроком и для нас, верующих. Он дает нам возможность увидеть «со стороны» облик духовной тирании, патернализма, игры на инфантильных чувствах и массовых неврозах. Этот опыт должен привести к отказу от самой идеи государственной религии, которая имела столько аналогий со сталинизмом, идет ли речь о Женеве при Кальвине или о Тегеране при Хомейни.

Р. РЕДЛИХ

Из книги «Сталинщина как духовный феномен»

УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДОГМАТИКИ

Стоит взять в руки любую советскую газету, поприсутствовать на любом собрании, принять участие в любой кампании, чтобы тотчас же окупнуться в однообразный, хотя и пестрый,